

Глава 10. Обретение

Летний зной сменился ледяным холодом. Хоу Шэнь почувствовал, как по ногам потекла ледяная вода, и задрожал.

— Мудрый... мудрый брат... — их отношения были хуже некуда, но Хоу Шэнь трижды повторил это обращение, делая особый акцент на слове «мудрый».

К кому он обращался, было предельно ясно.

— Успокойся, — заверил его Жун Цзюань, — я пошутил. Убийство — дело энергозатратное.

Обычно он таким не занимался.

Но Хоу Шэнь всё ещё сомневался. У какого нормального человека возникнет такая мысль?

— Я всё равно не смогу их одолеть, ведь так? — в этот момент Жун Цзюань был спокоен, как гладь озера.

Хотя с тех пор, как он прятался за спиной спутника и кормил птицу, его взгляд ни на секунду не отрывался от ужунов. Он наблюдал, оценивал, как это делают самые терпеливые хищники в джунглях.

Хоу Шэнь наконец вздохнул с облегчением. В этом была своя логика. Ведь по дороге этот господин чуть не умер во сне в повозке. Буквально.

После шокирующих слов Жун Цзюаня страх перед послами немного ослаб.

— Вы все пьяны и не в себе, — решительно произнёс Хоу Шэнь. — Мы зайдём завтра.

Оставаться здесь было опасно. Уходя, он даже специально потянул коллегу за рукав.

Неожиданно предводитель ужунов, видя, что они собираются уходить, пошёл на сотрудничество. Он залпом осушил несколько чаш.

— Стойте, — самый дерзкий из них встал. — Разве вы не собирались пересчитать и проверить дары? Идём, сейчас и займёмся.

Хоу Шэнь не заметил странных ухмылок на лицах других послов.

Они прошли на задний двор. Дары, привезённые посольством, были ничем не примечательны. Чиновник быстро их пересчитал, но когда дошёл до последних ящиков, его остановила мощная рука.

— Это мы привезли для торговли, а не для дани, — грубо сказал предводитель.

— По закону это тоже должно быть зарегистрировано, — нахмурился Хоу Шэнь.

— Скоро сами всё увидите, — варвар с группой послов направился к торговой зоне. — Идём, покажем вам настоящие сокровища ужунов.

Торговцы, не желая связываться с ними, расступались. Позади несколько человек несли по два больших ящика. Дойдя до широкой площади, ужун жестом прогнал местного торговца.

Ящики с грохотом опустились на землю. Окружающие, испытывая смесь страха, отвращения и любопытства, держались на расстоянии. Убедившись, что в ящиках лежат обычные предметы, толпа немного расслабилась, и некоторые подошли поближе.

Когда людей собралось достаточно, предводитель загадочно улыбнулся. Он подошёл к последнему железному ящику и рывком открыл его. Этот резкий жест всех напугал.

Но вскоре они увидели, что внутри не оружие, а свитки с картинами. Это было ещё более удивительно. Все знали, что ужуны не интересовались искусством.

Варвар перестал интриговать. Рукой, которой он только что рвал баранину, он развернул свиток. От жирного прикосновения бумага развернулась с шелестом, и лица всех присутствующих мгновенно исказились.

На картинах были изображены дети, которых заставляли подносить чаши из черепов вождям кочевников. На другой, под названием «Петушины бои», мужчины, одетые как петухи, дрались голыми руками до смерти одного из них.

— Нравится? — спросил посол.

Жун Цзюань не разглядывал детали, но по лицам окружающих нетрудно было догадаться, что происходит. История всегда была кровавой. Как, например, знаменитый позор Цзинкан, когда после поражения бесчисленное множество членов императорской семьи были запечатлены на картинах, а их кости превратились в историческую пыль.

Именно поэтому он решил поддержать Се Яньчжоу.

Се Яньчжоу, может, и не был Юэ Фэем, но Жун Чэнлинь определённо стоил десяти Цинь Хуэев.

Если ужуны свергнут Великую Лян, императорский город превратится в настоящий ад, а его самого, скорее всего, переплавят в шэлицзы.

— Это город Тунъюань, — с горечью произнёс служащий резиденции, узнав место на одной из картин.

Десять лет назад, после внезапной смерти старого генерала Се, командование временно перешло к инспектору армии. Это привело к серии поражений и падению Тунъюаня. Лишь несколько лет спустя его отбил совсем юный тогда Се Яньчжоу.

— У ужунов много племён. Эти зверства не имеют отношения к нашему. Недавно наш народ объединился, и новый хан желает дружбы с Великой Лян, — красноречиво вещал предводитель. — В Тунъюане осталось много детей с нашей кровью. Хан хочет забрать их.

— Какая наглость! — лицо Хоу Шэня побагровело от гнева, губы дрожали.

Но одного взгляда варвара хватило, чтобы он замолчал. Никто не хотел становиться причиной войны. Это было слишком тяжёлое бремя.

Посол ужунов был доволен их безмолвным гневом. Унижение от недавнего поражения как рукой сняло. Он снова посмотрел на красивое лицо Жун Цзюаня. К сожалению, тот, в отличие от остальных, не покраснел от злости, что было бы особенно пикантно.

Хоу Шэнь не понимал, как юноша может оставаться таким спокойным, словно ничего не произошло. С самого начала тот не проронил ни слова, лишь изредка оглядывался по сторонам.

Это было невыразимое хладнокровие.

Наконец Жун Цзюань заговорил:

— Брат Хоу, пора заканчивать смену.

«Хладнокровие» — это ещё мягко сказано. Это было настоящее бессердечие. Но Хоу Шэнь и сам не хотел здесь больше оставаться.

— Я позову повозку.

Варвары всегда наглели, если им не давали отпор. Видя, что никто из жителей Лян не смеет возразить, они отбросили последние сомнения. Предводитель бросил несколько свитков в сторону Жун Цзюаня, и его взгляд стал ещё более непристойным, чем во время пьянки.

— Я слышал, в Великой Лян важные указы вывешивают на городских воротах. Помогите нам составить объявление! Если найдёте потомков нашего племени, новый хан будет вам благодарен.

Свитки полетели в разные стороны, несколько упали у ног Жун Цзюаня. Один из них ударил Хоу Шэня в грудь. Он услышал, как один из послов пробормотал, что чиновники, подобные двуногим овцам, даже свиток поймать не могут.

Хоу Шэнь не выдержал и, засучив рукава, бросился вперёд. Жун Цзюань одной рукой остановил его.

— Брат Хоу, пора заканчивать, — тихо повторил он.

Драка — самая бессмысленная трата времени. Обычно она ничем не заканчивается, а виновными делают обе стороны. Поэтому он никогда не дрался.

Хоу Шэнь бросил на него гневный взгляд.

Ужуны, не дождавшись ответа, уже собирались сами идти к городским стенам.

— Быстрее, если что-то случится, мы первые будем отвечать.

Видя, как наглость врагов достигла предела, и никто не смеет их остановить, послы отбросили последние остатки осторожности. Это был лучший момент.

Жун Цзюань наклонился и спокойно поставил птичью клетку на землю.

— Тарелка рыбного супа, — пробормотал он так, что никто не понял.

«Интересно, хватит ли её, чтобы восстановить силы, потраченные сегодня? — Жун Цзюань прикинул в уме предстоящие затраты. — Нужно будет выбить себе еще один отпуск»

Когда юноша выпрямился, из его вечно сонных глаз исчезла всякая сонливость. Зрачки зазеленели. Он слегка размял запястья. Движения, позы, расположение всех послов — всё это застыло перед ним, как на картине.

Предводитель послов уже поравнялся с ними. Ещё шаг — и он выйдет за пределы резиденции. Таким же громким, как его смех, был и внезапный свист извлекаемой из ножен сабли.

Оружие, висевшее на его мощном поясе, оказалось в чужих руках.

Жун Цзюань выхватил саблю с невероятной скоростью. Чёрная рукоять совершенно не сочеталась с его тонким, бледным запястьем. Он занёс клинок для удара.

Варвар, подняв руки, чтобы продемонстрировать картины, невольно создал идеальную возможность для захвата оружия. Жун Цзюань выбрал идеальный момент. Его спутники либо разговаривали, либо находились слишком далеко, чтобы успеть на помощь.

Свист стали пронзил воздух. Лицо предводителя ужунов исказилось. Забыв о свитках, он попытался увернуться от первого удара и тут же контратаковать.

Левша.

Это Жун Цзюань заметил ранее и за несколько секунд предугадал направление атаки, уклонившись в безопасную сторону. Кулак просвистел у самого уха.

— Коу-Коу.

[Идет временное извлечение энергии —]

[Идет вливание питательного раствора —]

Механическая жизнь мгновенно отреагировала. Система на миг стала невидимой и отделилась от него. Произошло нечто странное: огромное тело посла словно наткнулось на невидимую стену и отлетело назад. От инерции он пошатнулся.

Мир имел свои ограничения. Силы, которые могла использовать Система, были весьма ограничены, особенно против важных лиц. Но временно создать для Жун Цзюаня «защитный барьер» было легко.

Понимая, что самый важный шаг он должен сделать сам, Жун Цзюань, используя влитую Системой силу, нанёс удар в грудь противника.

Пх-х. Побочные эффекты яда были подавлены, но после экстренного вливания сил Жун Цзюань сам ослабел.

Произошедшее стало для всех полной неожиданностью. Пока они приходили в себя, нападавший для верности нанёс ещё один симметричный удар — на случай, если у врага сердце справа.

Пх-х.

Пх-х.

И тот, кого пронзили, и тот, кто пронзил, — Жун Цзюань и посол — стояли друг против друга и харкали кровью. Юноша — от усталости, предводитель — потому что умирал.

Ужун чувствовал себя так, словно попал в ловушку призрака. Тело не слушалось, а противник плевался кровью дальше и быстрее него. Его глаза, полные ярости, готовы были вылезти из орбит. Он хотел что-то сказать, но смог лишь выдать несколько нечленораздельных звуков:

— Ты... сумасшедший...

Он хотел спросить, не сошёл ли тот с ума, но горло забила кровь. Жун Цзюань даже не удостоил его взглядом.

От резкого движения с его головы слетела чиновничья шапка. Боясь заразиться, в момент удара он плотно зажмурился. Из-за этой странной позы он не был похож на героя-воина, а скорее на того, кто боится взглянуть в лицо реальности.

Лишь Хоу Шэнь, стоявший рядом, услышал, как Жун Цзюань, отдернув руку, произнёс тихим, задыхающимся голосом:

— Брат Хоу, теперь можно и заканчивать смену.

Хоу Шэня пробрал ужас.

Лишь когда предводитель послов рухнул на землю, подняв облако пыли, все наконец осознали, что произошло. Начался хаос. Ужуны в ярости бросились вперёд, но были остановлены вовремя подоспевшими братьями Тао.

Хоу Шэнь, собрав остатки самообладания, крикнул солдатам:

— Взять убийцу!

Солдаты, охранявшие резиденцию, тут же окружили Жун Цзюаня. Они действовали слаженно, встав к нему спиной и образовав живой щит, обращённый к врагам.

— Ты же сказал, что это шутка! — Хоу Шэнь, пытаясь оттеснить коллегу в центр кольца, кричал с искажённым от ужаса лицом.

Жун Цзюань достал платок и, вытирая то ли кровь, то ли кашель, ответил:

— Да, немного неудачная.

«Убил и убил. В крайнем случае, можно просто извиниться; может, тогда в наказание мне всего лишь запретят пару дней возвращаться домой»

Зная мягкотелость императора, даже охранная грамота могла не спасти от такого преступления. Хоу Шэнь метался как на раскалённых углях. Посольство уже требовало смерти виновного.

— Быстрее, уводите его! — скомандовал Хоу Шэнь.

Послов было мало, и они не могли прорваться. В ярости они перешли на свой язык.

— Это земля Великой Лян! — крикнул Хоу Шэнь, собрав всю свою волю. — Если бы житель Лян совершил преступление на ваших землях, вы бы что, повезли его за тысячи ли, чтобы судить?

Пока стороны препирались, Жун Цзюаня уже вывели наружу, где их ждали новые отряды. Командир не стал надевать на него кандалы.

— Брат, я уважаю тебя как мужчину, — тихо сказал он.

Жун Цзюань, прислонившись к двери, явно не мог идти.

— А можно для мужчины вызвать повозку? — спросил он.

Карета не подошла ситуации, но, вспомнив о его бесстрашном ударе, солдат решил исполнить просьбу.

— Я сам тебя повезу.

На худой конец, можно использовать тележку. Главное, чтобы везли. В таком виде он не мог сесть в свою прекрасную карету.

— Спасибо за труд, — сказал Жун Цзюань и спокойно прикрыл глаза.

Через некоторое время его усадили на тележку для овощей, добровольно предоставленную одним из торговцев. Прохожие на улице ещё не знали, что произошло. Видя, как везут окровавленного чиновника, они в шоке начали расспрашивать друг друга. Среди них была фигура, которая, не теряя ни секунды, бросилась в сторону Управления по надзору.

— Где господин?

— Господин на совещании, без важного дела нельзя...

— Быстрее, доложите, случилось нечто ужасное!

Получив разрешение, шпион ворвался во внутренние покои.

— Господин, беда!

В комнате витал аромат сандала. Великий инспектор сидел за главным столом и разговаривал с Бу Санем. Он взял чашку, чтобы промочить горло, и спокойно приготовился слушать.

— Предводитель посольства убит, — сразу перешёл к главному подчинённый.

Лицо Бу Саня изменилось. Рука Великого инспектора лишь слегка дрогнула.

— Дело рук Юйчжуна?

Юйчжун — это второе имя Се Яньчжоу.

— Генерал здесь ни при чём.

Лишь тогда Великий инспектор проявил интерес. Казалось, его больше волновал сам убийца.

— Кроме моего названного сына, кто ещё в столице осмелится на такое?

— Это тоже ваш сын, — с нажимом произнёс подчинённый. — Ваш благородный сын, Жун Хэнсун.

— ...

Жун Цзюань: «Это покойник первым помешал мне спать, это он первым подошёл ко мне, это он предоставил оружие... У меня просто не было выбора!»

И, наконец, он картинно восклицает: «О, я несправедливо обвинён! —»